

В декабре, если верить паспорту, у Юлия Кима случился юбилей, и это большое событие в общественной и культурной жизни России. А еще повод признаться ему в любви и позадавать разные вопросы

— С кем юбилей встретили, Юлий Черсанович?

— Юбилей долго не прекращался... До сих пор звонят его участники и говорят, что праздник удался на славу. Вероятно, потому, что это событие было начисто лишено официальности. А справлялось мое шестидесятилетие в театре «Эрмитаж». Ораторы, выступавшие по алфавиту, импровизировали от души. Время от времени действие прерывалось плясками и скаканием актеров театра. Ах, сударь, как все было дружески и сердечно!

— Как на московской кухне, которую вы воспеваете долгие годы?

— Вот именно! Это напоминало огромную и уютную кухню, куда сошлось человек полтора десятка моих знакомых и близких друзей. Пришли институтские приятели, а с ними и старейший наш преподаватель. Свидетели «камчатского» периода моей жизни. Коллеги по диссидентскому движению. Не обошлось и без деятелей искусств... Даже политики явились! В общем, получилась сходка махровых шестидесятников, но без бомонда.

— Какие подарки вам поднесли?

— Более всего запомнились два. Один из них преподнесла мне обширная семья, которая долго откладывала денежки на этот — чуть не сказал черный — светлый день. Они подарили мне музыкальный центр. Дело в том, что у меня скопилось громадное количество этих самых дисков, а слушать было не на чем. С другой стороны, небольшая группа товарищей переплюнула любящую семью и вручила мне целый компьютер! Теперь буду на нем то и дело сочинять чего-нибудь...

— Вы это всерьез?

— Шучу, конечно. Как писал шариковой ручкой, так и дальше буду.

— А какие вы чувства испытывали на этом празднике жизни? Гордость за свой талант и великие свершения? Грусть? Удивление?..

— О-о-о... знаете, на что это было похоже? Когда родилась моя дочь, я шел в роддом с тайным страхом: почувствую ли я в себе отца? Но едва жена показала мне Тусю в окошко, на меня напал такой счастливый и радостный смех, что другие отцы даже удивились... Дело было тоже зимой, я стоял вместе с ними по колено в снегу, и они понять не могли, чего этот немолодой кореец так хохочет, глядя на свое дитя.

Нечто похожее происходило со мной и в день рождения. Надо сказать, что все прежние круглые даты я успешно зажимал со скупостью Шейлока. А тут наконец руки разжал и... заатаил дыхание: а каково мне будет? Но едва в согласии со сценарием актеры вывели меня в кресле-каталке на середину зала, и кинул я взор налево-направо, и увидел до боли знакомые лица — сразу, конечно, все разошлось в душе, и я понес со сцены такую счастливую ахи-нею!.. Пятистопным ямбом! Импровизированным!

— Песенки, конечно, звучали? Что же вы исполняли: «Не покидай меня, весна»?

— Нет, я решил петь, что угодно, кроме своего. «Весну» пели актеры. А я исполнял песни молодости своей. «Нашел я чудо-кабачок». «Где в горах орлы да ветер». И немало других старых песен, которые помню в силу своего солидного возраста...

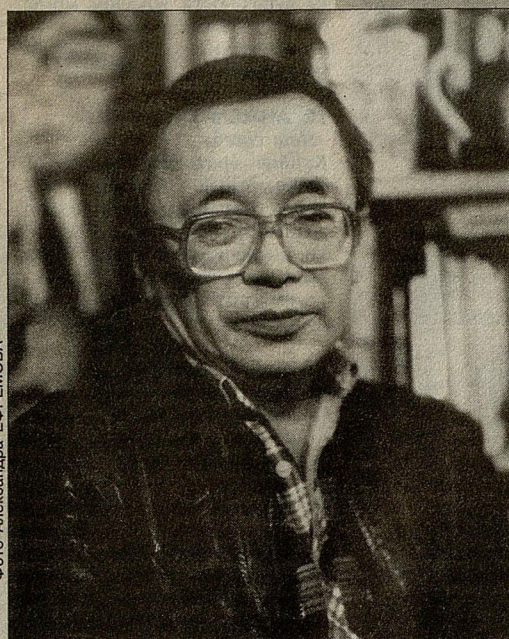

Фото Александра Ефремова

Сколько лет Юлию Киму? Это вопрос таинственный, поскольку Ким — явление уникальное. Его бардовский театр демократичен и необычайно щедр на любые времена и даты. Его героям все возрасты покорны. Старый Адвокат и юная капризная Маша, мальчик, скачущий невесту куда, Дон Кихот, герои, пришедшие к нему от Фонвизина, Шварца, Воннегута, Володина, Перро... Автор ненамного моложе пожилой Театралки и уж никак не старше Красной Шапочки. Растворяясь в персонажах, он никогда не теряет лица и узнаваем в любой маске. За маской — судьба. ...Расстрелянный отец. Военное детство. Смерть Сталина. Оттепельные иллюзии. Крушение иллюзий. Диссидентство. «Крамольные» песни и стихи. КГБ: обыски в квартире, душевительные беседы в «Лефортове». Проводы друзей. Песни к фильмам — только под псевдонимом Ю. Михайлов. Наконец, перестройка, свобода...

Если у легенды был инфаркт, то она — живая

Юлию Киму исполнилось 60, но у него есть желания, которые еще не исполнились

— Что такое возраст, Юлий Черсанович?

— Это чувство необъяснимое. Сорокалетие и пятидесятилетие свое я проехал, почти не заметив. А тут решил всех собрать, поскольку... что скрывать? Семидесятилетие уже несколько проблематичная дата. Тем более что я сравнительно недавно инфаркт перенес, так что захотелось хором на всех посмотреть. Словом, подоплека этого собрания была отчасти и грустная...

— Вы ощущаете, как это называется, «груз прожитых лет»?

— Конечно. Впрочем, не столько возраст я ощущаю, сколько случившийся со мной инфаркт. Как бы это сказать... Внезапно я почувствовал огромное количество прав! Сколько хочу — столько сплю. Когда хочу — тогда встаю. Куда хочу — туда иду. Хочу — пишу, не хочу — не пишу. Я по-прежнему тружусь, пишу, выступаю, но уже не потому, что должен, а потому, что хочется. Сплошные права, и никаких обязанностей! Удивительно гармоничное состояние.

— А хочется работать?

— В том-то и счастье, что хочется! Желания совпадают с обязанностями. Раньше жизнь оглобляла ложилась на плечи, как говаривал Федор Васильевич Семенов-Амурский, замечательный художник такой был. А тут вдруг легкость пришла и плечи расправились... Да и все вокруг, друзья и семейные, разом встали на цыпочки и заверещали: «Да Бога ради... лежи-лежи-лежи... пиши-пиши-пиши... Делай, что хочешь. Только не пей».

— Как же на дне рождения и не выпить?

— Только в самом конце, когда гость уже разошелся и мне захотелось особенно слиться с оставшимися, — тут я с ними и чокнулся, без ущерба для здоровья.

— Назначая мне встречу, вы напоследок попросили перезвонить: неизвестно, мол, как себя поведет Федя... Кто такой Федя, Юлий Черсанович, и как он себя ведет?

— «Федей» я называю свой организм. Когда он получил это имя — потонуло в воспоминаниях. Помню, было такое выражение: выпить — огорчить «Федю». Я в жизни огорчал «Федю» своего немало, на следующий день он мне тяжело мстил, длилось это очень долго, пока мы с ним наконец не пришли к консенсусу. Но после кондрашки я ему все-таки не очень доверяю, поэтому подстраховываюсь...

— Вообще говоря, что нового человек узнает о себе к 60

годам помимо близкого знакомства с «Федей»?

— Я не думаю, что происходит какой-то резкий качественный скачок. В течение жизни случилось мне немало чего узнать о себе — и радостного, и печального, но я бы не хотел делиться своими открытиями... Довольно много сказано в песнях и стихах и еще будет сказано, если Бог продлит...

— А что писатель узнает о себе в этом возрасте?

— О себе писатель Ким узнал следующее. Что он не осуществил три своих драматургических замысла. Что он еще не пробовал себя как следует в прозе. И что, наконец, надо побольше сочинять стихов и песен... и поменьше подытоживать.

— «Федя» сильно вредит работе?

— А это... как посмотреть. Я помню рассказ Тенгиза Абуладзе, который выжил после тяжелой катастрофы и всю свою последующую жизнь стал воспринимать как драгоценный подарок судьбы. Он усмотрел в этом знак и счел себя обязанным совершить нечто очень важное! Так возник замысел фильма, а потом и сам фильм «Покаяние». Он го-

ворил об этом тихим голосом, но за этой негромкостью ощущалась огромная сила и сознание собственной правоты. Нечто подобное испытал и я после инфаркта. Раз выжил, значит, мне отпущен какой-то кредит...

— Если оглядываться назад, то что больше всего греет душу: песни, стихи, пьесы?

— Я так понимаю, общее мнение сводится к тому, что более всего состоялся как автор песен. Да, наверное, так оно и есть, если говорить об исторической оценке. Хотя сознаюсь, что больше всего мне нравится заниматься драматургией.

— А вы еще не почувствовали себя «патриархом российской бардовской песни»?

— Вполне почувствовал. Мы с Аликом Городничкиным недавно, веселясь, выстроили наших бардов по ранжиру этой самой патриархальности. Вот Булат Шалвович, решили мы, — это «ходячий миф». А Городничкий с Кимом — «живые легенды! Кстати, на своем юбилее я очень хорошо это почувствовал. Люди рассказывали про меня разные байки, а в моей памяти эти байки сохранились совершенно по-другому. Но я не опровергал...

— Скажите, а «живая легенда» продолжает сочинять песни? Как известно, среди литераторов сейчас в моде печальные разговоры о том, что писать стало незачем и не для кого... Кажется, и вам нынче плохо пишется и поется?

— Ошибаетесь, сударь. Никакого кризиса жанра я у себя не наблюдаю. Как прежде сочинял на заказ, так и теперь сочиняю. Как прежде писал для души, так и теперь пишу. А что песенка поменьше стало получаться, так это лишь по сравнению с 60-ми годами, никак не позже. Но потом-то я занялся драматургией и на песни просто стало не хватать времени... Вот недавно я две сказочки сочинил — это что ж, по-вашему, хрен собачий?

— Нет, сказки — это... совсем другое. Я о том веду речь, что самые вдохновенные времена для бардов совпали с застойной эпохой, а на свободе

песня как-то замерзла и скукожилась. Вы не согласны?

— Никоем образом. Если художник настоящий, так Муза при нем сидит и голодает в любые времена. Он больше зависит от неких таинственных событий, происходящих в его душе, нежели от политической температуры в обществе. Не впрямую, по крайней мере. А если говорить о кризисах, так они случаются со всеми в любые времена. У Сережи Никитина, насколько я знаю, периоды творчества постоянно сменяются мрачными полосоми молчания, что он всегда мучительно переживает. Булат Шалвович, помню, еще в брежневские годы жаловался: за три года — ни одной строчки, ни песенки, ни стихика... А если говорить о себе, то на меня скорее отрицательно влияли политические морозы, а в оттепель или в нынешние годы, наоборот, сочиняется лучше. В начале 80-х, в эти запуюпокие андроповско-черненко-ские времена, мне катастрофически не писалось — и это сошлось с чувством омерзения от всего происходящего: афганской войны и массовых «посадок» диссидентов...

А недавно я за полтора месяца сочинил 60 стихотворений, из них тридцать неплохих. Я их опубликовал, а затем набрался духу и послал на антибуржуазную премию. Но — нет, не прошел по номинации, даже в финалисты не попал... нет. Но там такие мэтры были!

— А вы себя не считаете мэтром?

— А я так, альбомный лирик...

— Кто?!

— Альбомный лирик, не более того!

— А кто самый замечательный поэт в вашем поколении, Юлий Черсанович?

— Два имени могу назвать, хотя один из них меня постарше, а другой помоложе — но все это мое поколение. Давид Самойлов и Иосиф Бродский.

— Между тем вас называют и называют «символом шестидесятников». Что вы символизируете, если не секрет?

— Да какой же я символ? Если я символ, то кто ж такой Высоцкий? А если Высоцкий символ, то кто ж такой Булат Шалвович? А с Визбора вообще начался весь океан бардовских интонаций... И это, заметьте, мы только об авторской песне говорим.

— Кого вы недосчитались за праздничным столом?

— О-о-о... одна из самых острых моих печалей связана с этим вашим вопросом. А больше всего я печалюсь о тех, кто не дождался наших дней. Что бы ни говорили о нашем времени, ему присуще такое долгожданное качество, как свобода. Причем сроки этого долгого ожидания измеряются столетиями. О текущих днях тосковали и до них не дожили такие мои друзья, как Илья Габай, Борис Борисович Вахтин, Вадик Делоне... А когда я думаю о чистополюском сидельце Толе Марченко, то меня просто в ужас кидает! Он-то не дождал нескольких месяцев! Поэтому я со счастьем вспоминаю о Викторе Некрасове, который успел узнать, что его рассказ будет напечатан в «Юности». А еще — Галич, Высоцкий, Юлик Даниэль... Как их не хватает! А теперь пошла новая череда утрат, и Юра Коваль — среди потерь самых невыносимых. Больше года уже прошло, как его не стало... тоже по сердечной части... а как больно и как безвременно!

— А может, если бы Галич или Марченко дожили до наших дней, то с горечью говорили бы о том, как сегодня опопляется «демократическая идея»?

— Нет, полагаю, им хватило бы мудрости отделить главное от наносного. Суть от формы. Главное все-таки — свобода. Форма, в которой происходит ее осуществление, ужасна, нелепа и отвратительна. А все же... Я два года назад задумал песню, но все никак не могу ее дописать, поэтому перескажу своими словами. Разговаривают двое. Один жалует: зарплату не выдают, налогами задавили. А собеседник ему в ответ:

Зато за книжки не сажает, Зато за слово не берут.

Первый опять начинает: Черноморский флот, японские Курилы... А второй все равно гнет свое: не сажает!

— Спасибо за беседу, Юлий Черсанович. Поздравляю вас с шестидесятилетием!

— Благодарю вас, сударь. И вам того же...

● Илья МИЛЬШТЕЙН

Посвящения Юлия Кима

Зиновию Гердту

Вам дьявола играть не надо.
А почему?
А потому.
Вы человек такого склада,
Что не сыграть вам сатану.

В какой бы форме небывалой
И как бы ни велась игра,
Вас выдаст голос ваш лукавый,
Всегда желающий добра.

У вас такое порученье
От наших сереньких небес:
Свечи поддерживать свеченье
Меж Днепрогэсов и АЭС.

Чтоб я на свете жил и думал:
А все ж во мгле текущих лет
Есть этот бархат,
Этот юмор,
И грусть, и негасимый свет!

Юрию Ковалю

Внук Хармса с Зошенкой иль Бабеля с Олешей
(Уж не в его ли честь сына назвал Алешей?),

И песни сочинять, и в живописи мэтр,
И водки усидеть за вечер кубометр,

Охотник и рыбак не хуже, чем Тургенев,
На многих поприщах достиг ты апогеев.

Но, может, лишь одной прекраснейшей из муз
Робел ты следовать, хотя томил искус.

Наш век насмешливый перо твоё неволил
И чистой лирике пролиться не позволил, —

Но в каждой буквке твоих счастливых строк
Ее я слышу гул, и пенье, и восторг.

(Так в блюдах лаковых, не видя глазом соли,
Кто станет отрицать ее важнейшей роли?)

Венедикту Ерофееву

Сергеич — не его вина —
К финалу жизни пил кренцено.
В стакане зелена вина
Искал забвения. Но тщетно.

Семеныч — он глушил ее
Так, как и пел: неутомимо.
В нем жажда доказать свое
Была вовек неутолима.

Наш Нино Рота водку пил
Для разворота! для веселья!
Но следом шел кошмар похмелья.
Маэстро взял и прекратил.

Лишь ты, Васильич, в этом деле
Был жрец и мученик идеи.
Она являлась для тебя
Не средством и не панацеею —
Самодостаточною целью
Она являлась для тебя.
Ты это дело исповедовал,
Служил и на судьбу не сетовал,
Что там должны тебе за честь
Не в грех, а в честь.